

Аналитическое управление
Аппарата Совета Федерации

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 25 (682)

Материалы заседания Научно-методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации, посвященного тематике 137-й Ассамблеи Межпарламентского союза

(подготовлен на основе стенограммы Научно-методического семинара,
состоявшего 8 сентября 2017 года)

МОСКВА • 2017

Межпарламентский союз – старейшая и наиболее представительная парламентская организация мира, объединяющая парламенты более 170 государств.

137-я Ассамблея Межпарламентского союза состоится в Санкт-Петербурге в октябре 2017 года. Тема общей дискуссии в рамках Ассамблеи – «Продвигая культурный плюрализм и мир через межрелигиозный и межэтнический диалог».

Кроме того, в ходе Ассамблеи будет рассмотрен проект резолюции «К 20-летию Всеобщей декларации о демократии: общность нашего разнообразия».

Аналитическим управлением Аппарата Совета Федерации было проведено заседание Научно-методического семинара, посвященное тематике 137-й Ассамблеи Межпарламентского союза. В мероприятии приняли участие представители ведущих российских научно-исследовательских организаций и университетов. В ходе семинара рассматривались вопросы обеспечения культурного плюрализма и мира через межрелигиозный и межэтнический диалог; развития межпарламентского сотрудничества; совершенствования механизмов международной безопасности в современных условиях, а также недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Участники семинара отметили необходимость выстраивания межкультурного диалога как важнейшего фактора сохранения межнационального согласия.

Материалы семинара были использованы при подготовке к проведению 137-й Ассамблеи Межпарламентского союза.

Данная публикация может представлять интерес для членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, представителей законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, научно-экспертного сообщества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово С.Л. Постникова , заместителя начальника Аналитического управления Аппарата Совета Федерации	3
Выступление М.В. Ткаченко , начальника отдела международных парламентских организаций Управления международных связей Аппарата Совета Федерации.....	4
Выступление В.М. Тайар , временно исполняющей обязанности директора Института Латинской Америки РАН <i>«Россия и Латинская Америка: роль межкультурного диалога в обеспечении межрегионального сотрудничества»</i>	8
Выступление Ю.В. Синеокой , заместителя директора Института философии РАН по научной работе <i>«К вопросу о специфике гражданской и этнической форм идентичности»</i>	13
Выступление Л.П. Ануфриевой , профессора кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина <i>«Парламентский контроль и функционирование международной организации в свете принципов уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств»</i>	17
Выступление Р.Н. Лункина , руководителя центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН <i>«Межрелигиозный диалог и свобода совести в международной повестке дня»</i>	22
Выступление В.А. Батыря , профессора кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина <i>«Информационная безопасность и Российская Федерация»</i>	27
Выступление А.В. Прокофьева , ведущего научного сотрудника Института философии РАН <i>«Межкультурный диалог: риски, сложности, перспективы»</i>	32
Выступление Т.В. Беспаловой , ведущего научного сотрудника отдела наследования культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева <i>«Вопросы российской идентичности в контексте тематики 137-й Ассамблеи Межпарламентского союза»</i>	39
Общая дискуссия.....	43

**Вступительное слово
заместителя начальника Аналитического управления
Аппарата Совета Федерации С.Л. Постникова**

Уважаемые коллеги! Научно-методический семинар Аналитического управления – это постоянно действующий консультативный совещательный орган Аппарата Совета Федерации. Он работает уже на протяжении пяти лет. В год проводится от 10 до 20 таких мероприятий.

Как правило, все наши семинары связаны с крупными мероприятиями, которые проводятся в стране или в Совете Федерации. Сегодняшний наш семинар проходит в рамках подготовки к проведению в октябре текущего года в Санкт-Петербурге 137-й Ассамблеи Межпарламентского союза. Более подробно об этом мероприятии – что это такое, как идет подготовка, какие проблемы – расскажет начальник отдела Управления международных связей Ткаченко Михаил Викторович. Поэтому я не буду на этом останавливаться.

Хочу только сказать, что тема основной дискуссии Ассамблеи звучит следующим образом: «Продвигая культурный плюрализм и мир через и межрелигиозный и межэтнический диалог». Соберутся (по данным на сегодняшний день) представители и руководители парламентов 134 стран со всего мира – это самая представительная межпарламентская международная организация. То есть проблема объединения мира и в том плане, как это звучит в рамках установленного понятийного аппарата ЮНЕСКО (я думаю, вы знаете, как культура трактуется в декларации ЮНЕСКО), – я думаю, что это проблема, которая сейчас очень важна в мире, поэтому она выбрана как основная тема Ассамблеи.

Мы и ожидаем, что в рамках этой проблематики, этой темы, вы выскажетесь, дадите свои предложения, а мы их учтем.

**Выступление начальника отдела международных
парламентских организаций Управления международных связей
Аппарата Совета Федерации М.В. Ткаченко**

Процесс подготовки 137-й Ассамблеи Межпарламентского союза подошел к своей финальной стадии, мы постоянно ездим в Петербург, проверяем основные площадки, основные важные пункты, которые будут использованы.

Я вкратце постараюсь рассказать видение, что такое МПС, что такое 137-я Ассамблея МПС, и, возможно, я надеюсь, что это принесет пользу.

Межпарламентский союз – это старейшая международная парламентская организация, даже на ее эмблеме изображены цифры «1889» – год образования. Наша страна (Российская империя) подключилась к работе в 1906 году после создания первой Государственной Думы страны. Был по независящим от МПС причинам некоторый перерыв в работе, затем Советский Союз вновь возобновил членство нашего государства, и сейчас мы являемся одной из наиболее активных делегаций.

137-я Ассамблея станет действительно самой представительной в истории. На сегодняшний момент цифры следующие, что более 140 делегаций в той или иной степени подтвердили свое участие, 70 делегаций уже зарегистрированы по всем правилам организации, порядка двух десятков еще требуют подтверждения со стороны секретариата, потому что регистрация идет в несколько ступеней.

Вообще, принятие решения о проведении 137-й Ассамблеи в Санкт-Петербурге прошло 27 октября 2016 года в Женеве на 135-й Ассамблее в присутствии Председателя Совета Федерации Валентины Ивановны Матвиенко, представителей российской делегации. Нам не очень легко далась победа, хотя сама по себе победа в голосовании также характеризовалась очень высокими цифрами – 88 процентов голосов при условии абсолютно свободных и честных выборов. Даже те

страны, которые проголосовали против Санкт-Петербурга, все равно сейчас подтвердили свое участие и приедут, это очень приятная и очень обнадеживающая статистика.

Также, скорее всего, петербургская ассамблея будет самой представительной с точки зрения участия спикеров палат парламентов, парламентов зарубежных государств. На сегодняшнее утро было зарегистрировано в той или иной степени уверенности 78 спикеров плюс два российских спикера, соответственно, Валентина Ивановна Матвиенко и Вячеслав Викторович Володин, итого у нас получается уже 80 руководителей. Более 30 вице-спикеров примут участие¹.

И мы рассчитываем, что Ассамблея соберет порядка 1 600 гостей. Более точные данные у нас появятся к 3 октября, когда процесс регистрации будет завершен. Некоторые страны регистрируются быстро, качественно, некоторые затягивают до самого последнего момента. Даже после 3 октября формально можно вносить коррективы в состав делегации, это тоже не возбраняется, хотя это чуть-чуть более сложная процедура.

Интересная особенность этой Ассамблеи, как и нескольких предыдущих, – это то, что организация расширяется и есть надежда на то, что в Петербурге несколько государств вновь вступят или возобновят свое членство в МПС, и это, в частности, наши союзники, наши друзья из Центральной Азии – Узбекистан и Туркменистан. Мы ждем окончательных политических решений в тех столицах и будем ожидать, с какой скоростью они в итоге пройдут эту важную и нужную дорогу. В любом случае нам будет очень приятно, что пространство СНГ тоже будет иметь все бóльшую и бóльшую представленность в органах,

¹ Указанные цифры актуальны по состоянию на 8 сентября 2017 года.

По состоянию на 29 сентября 2017 года подтвердили участие 99 спикеров из 92 зарубежных стран (без учета председателей палат Федерального Собрания Российской Федерации); из них зарегистрировались 86 спикеров из 79 зарубежных государств. Также подтвердили участие 56 вице-спикеров из 46 зарубежных государств; из них зарегистрировались 54 вице-спикер из 45 зарубежных государств.

основных комитетах и форумах женщин-парламентариев и от этих государств.

Самая главная задача, которая ставится высшим политическим руководством страны перед теми, кто участвует в организации Ассамблеи, – это, естественно, гостеприимство, использование площадки для того, чтобы, может быть, где-то сгладить какие-то углы, какие-то шероховатости, которые накопились на международной политической арене за последнее время по объективным и необъективным причинам, ну а также использовать этот качественный механизм для продвижения российских внешнеполитических задач и целей. Наша делегация традиционно чрезвычайно сильная, состоит из очень подготовленных, очень заряженных на результат сенаторов. В этот раз, поскольку мы – страна-хозяйка, делегация будет даже несколько больше, чем традиционно. Традиционно делегация уровня Российской Федерации должна состоять из 10 парламентариев, представляющих как Государственную Думу, так и Совет Федерации. В этот раз у нас будет 15 таких карточек для голосования, будем говорить, и также отдельно будет участвовать Валентина Ивановна Матвиенко в качестве Председателя Ассамблеи. Она будет избрана на первом заседании рабочего органа под названием «Руководящий совет».

Петербург – это культурная столица России, один из самых привлекательных с точки зрения развития культуры, искусства, науки городов Европы, мира. Поэтому, конечно, такой высокий интерес со стороны зарубежных делегаций, в общем, обусловлен и очень мудрым решением по выбору, в каком же из российских городов проводить это мероприятие. Ну и раз это Санкт-Петербург, то и, соответственно, тема дискуссии, так или иначе, должна быть связана с культурой, а события последних 5-10 лет говорят о том, что проблематика межкультурного, межрелигиозного диалога практически с каждым днем становится все более актуальной.

Российская делегация, насколько я могу судить со своего скромного пункта наблюдения, чрезвычайно сильно рассчитывает на помощь экспертного сообщества. К нам приедут представители абсолютно разных культур, разных народов, разных национальных темпераментов, наша задача – со всеми ними вести позитивный диалог, налаживать сотрудничество, сомневающиеся делегации делать нашими союзниками, друзьями, а те, кто и так является нашими друзьями, союзниками, должны увериться в правильности своего выбора. Поэтому мы, в общем, во всех смыслах, как в организационном, так и в практическом, политическом, будем прилагать максимальные усилия по достижению этого результата.

Выступление временно исполняющей обязанности директора Института Латинской Америки РАН В.М. Тайар

Россия и Латинская Америка: роль межцивилизационного диалога в обеспечении межрегионального сотрудничества

В развитии современных международных отношений одной из определяющих тенденций стало выдвижение на первый план вопросов, связанных с поддержанием межцивилизационного согласия в мире. Вызовы современности во многом обусловлены глобализацией, а точнее – кризисом модели глобализации, что создает угрозу национальной самобытности и провоцирует напряженность в межцивилизационных отношениях.

Развитие межцивилизационного диалога в этих условиях становится одним из важнейших элементов внешнеполитической стратегии нашей страны, является эффективным средством утверждения интеллектуального лидерства России в мировой политике, способствует обеспечению безопасности в нашем многонациональном и многоконфессиональном обществе. Другими словами, цивилизационная многовекторность сегодня становится важным преимуществом российской дипломатии.

Ведущим ученым Института Латинской Америки Российской Академии Наук – Давыдову, Шемякину неоднократно приходилось обосновывать концепцию, согласно которой Латинская Америка бесконечно многообразна и одновременно с этим она едина как макрообщность, как пограничная цивилизационная матрица, для которой типична полицентрическая структура, наличие не одного, а нескольких взаимодействующих центров цивилизационной системы. И в этом ученые-латиноамериканисты видят общность пограничного цивилизационного статуса России и Латинской Америки. При этом такая пограничность не однолинейна «запад-восток», а многовекторна.

Сегодня мы становимся свидетелями того, что мир движется в сторону многополярности. И происходит это не в последнюю очередь

благодаря способности стран, которым присуща цивилизационная пограничность, отстаивать свои национальные интересы. При этом отдельные страны западного мира, претендующие на мировую гегемонию, предпринимают попытки сдерживания законных стремлений своих внеблоковых партнеров, к обеспечению своих национальных интересов, предпринимают действия, в том числе и экономического характера, нарушающие рамки международного права.

Североамериканская гегемония проявляется также в стремлении осуществлять контроль над странами, обладающими стратегически важными природными ресурсами, что воспринимается в ряде латиноамериканских стран, в основном в левоориентированных обществах Венесуэлы и Боливии, как интервенция и вмешательство во внутренние дела независимых государств.

Важно подчеркнуть, что с цивилизационной проблематикой напрямую связана необходимость переосмысления проблемы прав человека и важен латиноамериканский опыт в данной сфере. На восприятие проблематики прав человека в латиноамериканском регионе, на чувства национального достоинства сильное воздействие оказывают острые социальные противоречия, обостренные в условиях исторически сложившегося мощного давления со стороны гегемонии североамериканского центра.

Необходимость переосмысления проблемы прав человека на нынешнем этапе обусловлена тем, что до сих пор преобладающая в мировом сообществе ее трактовка определена рамками одной цивилизационной традиции – западной. С этим связана явная недооценка социальной, культурной, экономической составляющих проблематики прав человека. Принципиальное значение в этом контексте приобретает признание права на сохранение этнической, языковой и социокультурной идентичности самых различных человеческих обществ.

И решение этого вопроса может стать основой конструктивного диалога между Россией и странами Латинской Америки. Так, для российской стороны в межцивилизационном диалоге с Латинской Америкой представляет интерес интерпретация основополагающих принципов международного права, которая была разработана бразильскими и аргентинскими экспертами в том, что касается поиска путей решения таких острых вопросов, как проблема соотношения права нации на самоопределение и принципа территориальной целостности государств.

С цивилизационной проблематикой связаны и ситуации с расстройством или неадекватностью прежних механизмов глобального регулирования. Существует необходимость создания новых механизмов либо реформирования действующих с целью адаптации к нынешним вызовам на основе широкого международного консенсуса. В этих условиях для России стратегической задачей становится отход от прежних ориентаций и прежней схемы приоритетов в международной деятельности или их серьезная корректировка. Поэтому наряду с Азиатско-Тихоокеанским регионом в число ключевых внешних ориентиров России вошло и латиноамериканское направление. В свою очередь и страны Латинской Америки последовательно наращивают свое присутствие на мировой арене. И от преимущественно вертикальных связей «север – юг» страны региона переходят к опоре на горизонтальные связи «юг – юг» в рамках бывшей периферии мирового хозяйства. Происходит серьезная диверсификация внешнеэкономических отношений, заметно усиливается сегмент, определяемый договорами о свободной торговле. Отказ государств региона присоединиться к антироссийским санкциям запада открывает дополнительные возможности. Страны региона являются сегодня перспективными партнерами для России не только в торговой сфере, но и инвестиционном сотрудничестве, энергетике, инфраструктуре, высоких технологиях, космической и атомной отраслях, военно-технической

сфере. Россия вместе с латиноамериканскими партнерами выступают в роли естественных союзников по таким вопросам, как необходимость обеспечения верховенства международного права, укрепление многосторонних механизмов в решении международных проблем и центральной роли ООН в поиске коллективных ответов на вызовы современности. Речь также идет о переходе от преимущественно двустороннего формата взаимодействия, зависящего от политической лояльности местных элит, к системному и устойчивому механизму диалога с интеграционными объединениями, субрегионом или всем регионом, о диалоге и выстраивании механизмов взаимодействия на различных площадках, которыми являются диалоги в форматах: Россия – СЕЛАК, межпарламентский диалог между Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и парламентом МЕРКОСУР, Евразийский экономический союз – МЕРКОСУР, Россия – страны Боливарианского альянса АЛБА, развитие отношений с Тихоокеанским альянсом (это Мексика, Колумбия, Чили, Коста-Рика) и другими объединениями. Стратегически важным механизмом взаимодействия могло бы стать присоединение России к интеграционным объединениям региона в качестве наблюдателя или ассоциированного члена. Тем более что курс на протекционизм, объявленный со стороны северного соседа, вызывает сегодня серьезную озабоченность у лояльных к североамериканскому рынку партнеров, в основном Мексики, что открывает возможность диверсифицировать или переориентировать экономические связи отдельных латиноамериканских стран в направлении «юг – юг», в том числе через диалог с Россией.

Важное значение в сфере урегулирования вопросов демократии и прав человека приобретают межпарламентские связи. Уже запланированы визиты латиноамериканских парламентариев на 137-ю Ассамблею Межпарламентского союза, в частности, из Уругвая, Аргентины, Перу, Мексики. Стоит отметить и расширение участия

латиноамериканских женщин в решении актуальных проблем международной повестки дня. Женский фактор проявляется в политике ряда латиноамериканских государств.

И, наконец, важным механизмом межкультурного диалога между Россией и Латинской Америкой, в котором заложен огромный потенциал, является экуменическое сотрудничество – это движение на сближение в межхристианских отношениях. Большой вклад в развитие межкультурного диалога вносит Русская православная церковь. Латинская Америка входит в состав единого христианского мира, в некоторых латиноамериканских странах растет влияние политиков, которые занимаются религиозной деятельностью. Год назад было положено начало межконфессиональному взаимодействию двух христианских церквей. В феврале 2016 года состоялся визит Патриарха Кирилла в страны Латинской Америки, который включил посещение Кубы, Парагвая и Бразилии. На Кубе состоялась историческая встреча двух иерархов, Патриарха Кирилла и папы Франциска. Важно учитывать и то обстоятельство, что папа Франциск – латиноамериканец, аргентинский кардинал Хорхе Марио Бергольо. Надо признать, что диалог между РПЦ и Ватиканом дал мощный импульс развитию межкультурных и межконфессиональных отношений между Россией и Латинской Америкой. В феврале этого года в нашем институте проходил «круглый стол» на тему «В поисках духовного сближения» по итогам Гаванской встречи Патриарха Кирилла и папы Франциска с участием митрополита Аргентинского и Южноамериканского Игнатия, который отметил серьезный духовный интерес со стороны латиноамериканцев к России.

В этой связи необходимо признать и поддерживать взаимную тягу народов, культурно-гуманитарные связи, интенсивные контакты в сфере образования, что закладывает прочный фундамент в дальнейшее развитие российско-латиноамериканских связей.

Выступление заместителя директора Института философии РАН по научной работе Ю.В. Синеокой

К вопросу о специфике гражданской и этнической форм идентичности

Я бы хотела изложить свою точку зрения на ситуацию в современной России в связи с проблемой формирования постсоветской идентичности.

В мире сегодня преобладают две разнонаправленные тенденции: первая – это движение к глобальной цивилизации, единому человечеству, упразднение ценностных различий между Западом и Востоком. Вторая – противоположная тенденция, наблюдаемая со второй половины прошлого столетия, главным образом, в «незападных» регионах, может быть обозначена как ренессанс национальных, этнических, архаических, «незападных» ценностей. В России последние 25 лет, я усматриваю оба эти вектора, особенно четко они просматриваются в дискуссиях по проблемам формирования постсоветской идентичности.

На мой взгляд, главным принципом процесса формирования новой концепции национальной политики в России должно стать преодоление конфликта между неотменяемыми правами личности и интересами этносоциальных общностей.

Важными вехами на пути формирования постсоветской идентичности можно считать знаменитый призыв первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина к интеллигенции в августе 1996 года сформулировать новую идеологию – российскую идею, и последовавшее двадцать лет спустя обращение Президента России Владимира Владимировича Путина к экспертному сообществу в октябре 2016 года – сформулировать концепцию законопроекта о российской гражданской нации, позже переименованного в «Закон об основных принципах государственной национальной политики в Российской Федерации».

Формирование российской идентичности это определение общенациональных ценностей, которые бы разделялись всеми гражданами России. На рубеже 20-21 столетий в нашей стране трижды происходила смена ценностных парадигм: от советского коллективизма коммунистической эры, к индивидуализму эпохи перестройки, а затем к постперестроечному национализму, базирующемуся на идее солидарности. В России сегодня очевидно противостояние гражданской и этнической форм национализма, выражающееся в споре о том, какая идентичность нужна России – политическая или этническая. Главным сторонником и теоретиком политической (гражданской) нации является академик РАН, д.и.н., директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков. Главным теоретиком и защитником идеи национальной (этнической) идентичности является известный политик и ученый Р.Г. Абдулатипов.

Об этническом национализме много писали и спорили в 19 и 20 веках. Дебаты о гражданском национализме относительно новы. Под гражданской нацией понимается сообщество равных, наделенных правами граждан, единых в патриотической преданности совместному набору политических ценностей.

Примерами наиболее известных практических теорий политического национализма можно считать концепцию конституционного патриотизма Юргена Хабермаса и республиканский патриотизм Маурицио Вироли.

Сторонники гражданской нации подчеркивают, что это сообщество, созданное в результате выбора индивидов в пользу определенного политического мировоззрения. В отличие от этнической формы национализма, черпающей силы из прошлого, обращенной к истории и выражающей своего рода «племенную солидарность», гражданский национализм обращен к будущему.

Свою главную задачу российские идеологи гражданской т.е. политической нации видят в необходимости определить ценности,

характеризующие принадлежность каждого россиянина к единому наднациональному сообществу народов, объединенному Российской Федерацией. Задача эта непростая. В ее решении сложно рассчитывать на помощь зарубежного опыта. Прямая аналогия с ЕС или США не работает. Новая европейская идентичность, задуманная как альтернатива национализму, приведшему к катастрофе второй мировой войны, не мыслится идеологами Единой Европы как идентичность национальная. Европейцы категорически против национализма как основы общеевропейской идентичности, против феномена общеевропейского национализма.

Политическая (гражданская) и этническая (национальная) идентичности полярны по своим основаниям. Гражданские нации конструируются политиками, это свободные сообщества, в которых основой политической солидарности является не культурное наследие, а свободно выбранные политические принципы, а нации передаются нам нашими предками, это формы культурного наследования, для которого очень важны межпоколенческие связи, взаимное попечение и лояльность.

Главную опасность, таящуюся в этнической солидарности, принято усматривать в ее предрасположенности к ресентименту². Главным препятствием на этом пути могут служить неотъемлемые и неотчуждаемые права и свободы личности, общечеловеческие права и ценности. Однако и гражданские (политические) сообщества не гарантированы от ресентимента. Любовь ко всеобщим свободам, легко простирающаяся за национальные границы, тоже переходит в солидарность, чреватую раздражительной гордостью и враждебностью к чужим или инакомыслящим.

Задача в том, чтобы прийти к балансу ценностей, выстроить концепцию национального согласия, гармонизировать права личности, с

² Ресентимент (от фр. *ressentiment* – «негодование, озлобление») – чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач.

одной стороны, с правами этнических и политических сообществ, с другой. Преодолеть кризис идентичности Россия сможет, опираясь в равной мере как на рациональность макроцивилизационных незападных регионов, так и на опыт формирования идентичности западного типа рациональности. Будущему необходима интегральная мудрость.

**Выступление профессора кафедры международного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина Л.П. Ануфриевой**

**Парламентский контроль и функционирование международной
организации в свете принципов уважения суверенитета и
невмешательства во внутренние дела государств**

Я хотела бы остановиться лишь на одном из аспектов, который касается, с одной стороны, деятельности самой организации, о чем мы сейчас вспоминаем в связи с предстоящей 137-й Ассамблеей Межпарламентского союза в городе Санкт-Петербурге, и, конечно, деятельности парламента в государствах, прежде всего, нашего парламента, ввиду чрезвычайной актуальности проблематики международного права, – с другой. И в данном случае хотелось бы обратить внимание на то, что мы существуем в условиях нетрадиционных, которые сопровождают восприятие международного права и его принципов самыми разными кругами международной и внутригосударственной (национальной) общественности.

Сегодня участились высказывания в самых разных аудиториях в отношении того, что международного права нет, а раз нет, то, соответственно, и нет нужды в соблюдении его норм, т.е. нет обязательности, прежде всего, основополагающих принципов. Несмотря на то, что во главу угла были поставлены принцип суверенного равенства, уважения суверенитета и принцип невмешательства во внутренние дела в связи с обсуждаемой проблемой, это вовсе не означает, что речь должна вестись только о них применительно к парламентаризму и участию парламентариев в международных организациях, поскольку все принципы международного права не выстроены в некую иерархию – один выше, другой ниже, – а все принципы по своей юридической значимости равноценны, одинаково значимы, более того – они содержательно связаны друг с другом. Таким

образом, в равной степени мы могли бы говорить и других принципах как руководящих международно-правовых предписаниях.

Возвращаясь к характеристике того, что нас окружает в международной сфере (конкретно в области международного права), и подчеркивая, что негативное отношение к международному праву ныне объективно не может сыграть позитивную роль, потому что, во-первых, это не соответствует действительности, а, во-вторых, коль скоро это все же не так, необходимо подчеркнуть, что сегодня требуется гораздо больше усилий для того, чтобы не просто развенчать, а еще и доказать несостоятельность подобных позиций. Кроме того, важно усилить ту контраргументацию, которая требуется доказательствами обратного, так как это тезис, который очень часто произносится в связи с отрицанием международного права и который, конечно же, не идет на пользу ни укреплению международного сотрудничества, ни цементированию его правового фундамента.

И второй тезис, который в свою очередь прослеживается в настоящее время, может быть, не столь ярко, потому что это более или менее специальный предмет, но все равно звучит и в литературе (прежде всего юридической), и со всяческих трибун. Разумеется, мимо этого также пройти нельзя. Речь идет об утверждениях, заключающихся в том, что парламенты «слабеют». Объясняется по большей мере это тем, что будто бы снижается их роль в правотворческом процессе. И действительно, если проанализировать просто статистические данные хотя бы по странам Европы, то получится соответствующая картина, которая внешне подтвердит это. В частности, факты говорят о том, что в Германии, Франции, Испании, в других государствах Европы сегодня наблюдается крен в сторону принятия нормативных актов исполнительной властью, т.е. правительствами. Эти цифры от стран к странам, названным мною, конечно, разнятся, но не очень серьезно, от 73% во Франции до 78% в Германии и 85% в Испании, что, конечно же, закономерно заставляет подумать, будто бы объективно стоит вопрос о

том, что и парламентский контроль должен ослабевать. Вместе с тем сохраняется формально такое положение, когда парламенты по-прежнему остаются главными творцами права в национальных государствах. Таким образом, вряд ли можно сомневаться в таких обстоятельствах, что парламент сдает свои позиции, в частности, ослабевает указанная функция парламентского контроля, оказания определенного влияния на жизнь государства, общества, людей и т.п.

Каким же образом может осуществиться этот контроль? Только через акты. Другого, пожалуй, найти невозможно. И вот сегодня в подобного рода условиях стоит задача и перед нашим государством, перед нашими парламентариями в отношении того, чтобы с помощью механизмов парламентского контроля содействовать укреплению международного права, то есть международно-правовой основы разнопланового международного сотрудничества, в том числе принципиальной его составляющей, и в свою очередь продемонстрировать то, что парламенты по-прежнему действенны, парламенты по-прежнему нужны. Не является исключением в этом отношении и роль Парламента Российской Федерации.

Все это возникает в рамках широкого международного взаимодействия, в том числе и в связи с деятельностью Международного парламентского союза, функционированием его органов. Это, конечно, проблема гораздо более сложная, и ее решение выглядит неоднозначно, так как нет линейности в отстаивании парламентом Российской Федерации принципов международного права посредством участия России в Межпарламентском союзе. Дело в том, что, вообще-то говоря, эта организация не является межгосударственной, она по формальным, внешним очертаниям должна квалифицироваться как неправительственный международный институт. А неправительственные организации ведь напрямую не связаны нормами международного права. Иными словами, заставить неправительственную международную организацию соблюдать

международное право юридически невозможно, ввиду того, что МНПО не являются субъектами международного права.

Другое дело, что, конечно же, вряд ли кто пойдет на открытое отрицание главных международно-правовых устоев, потому что все-таки современный мир иначе устроен. Но, тем не менее, дифференциация неправительственных международных организаций и межправительственных как бы там ни было, но присутствует, и это обстоятельство, конечно же, требует своего учета в проведении каких-то определенных действий со стороны и участников, то есть в данном случае парламентариев, точнее, парламентов (потому что здесь имеется не личное участие парламентариев, а именно парламентское участие в целом – парламенты состоят в этой организации). И, конечно же, возникает немало подобного рода сомнений относительно того, не следует ли обратить внимание на какие-то другие формы, нежели те, которые практиковались.

Вместе с тем кое-что из минувшей практики убеждает в том, что не стоит отрицать и отбрасывать прежние формы, а именно, те, что олицетворяют собой разнообразие присутствия государства, его органов, особенно представительных, или гражданского общества на международной арене. Разумеется, все понимают, что парламенты оказывают воздействие на свои государства, влияют на состояние гражданского общества, и в нынешних условиях, безусловно, все эти моменты не могут быть проигнорированы даже тогда, когда, скажем, уже на межгосударственном уровне встречаются представители государств, пытаюсь разработать какие-либо нормы международного права, особенно нацеленные в будущее.

Еще в первом Глобальном докладе, который в 2012 году был создан как раз под эгидой рассматриваемой международной организации – Межпарламентского союза – и в рамках Программы развития ООН, парламент рассматривается в качестве форума, артикулирующего публичные интересы, приводного механизма,

посредством которого исполнительная власть может информировать общество о своей деятельности и разъяснять свои действия, а также осуществляется обратная связь с органами исполнительной власти в сфере публичной политики.

Цель – выражение парламентами (соответственно учет в рамках функционирования международной организации при содействии этих парламентов) интересов общества, артикулирование в конце концов связи с государствами, правительствами и помощь исполнительной власти (правительствам) в достижении провозглашенных целей. Присутствующие, надеюсь, помнят, что в учредительном акте Межпарламентского союза зафиксированы цели содействия миру, обеспечения достижения мира и демократии, способствование демократическому устройству как мира в целом, так и отдельно взятого каждого из государств.

В силу вышесказанного перечисленное возможно осуществить лишь с помощью «улицы с двусторонним движением» – то есть посредством как деятельности парламентов в связке со своими государствами, так и, соответственно, с помощью участия в международных организациях вне зависимости от того, что последние могут квалифицироваться как неправительственные.

В свете обозначенной темы важно отметить, что вообще парламентский контроль – это явление двуединое, состоящее из двух компонентов, то есть контроля внутригосударственного и контроля внешнего, проявляющегося в международной сфере, но ни тот, ни другой не существуют в абсолютизированном виде и не находятся в изоляции друг от друга. В современных условиях острее парламентского контроля членов Межпарламентского союза целесообразно направить на выработку мер, которые в рамках межпарламентского сотрудничества способствовали бы вкладу в упрочение основных принципов международного права.

Выступление руководителя центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН Р.Н. Лункина

Межрелигиозный диалог и свобода совести в международной повестке дня

Прежде всего, хотел бы сказать, что проблеме межпарламентского сотрудничества и наш директор Института Европы РАН Алексей Анатольевич Громько, и институт в целом уделяют достаточно большое внимание, прежде всего, встречаем и сотрудничеству с депутатами стран Европейского Союза.

Соответственно, затрагивается самая разная тематика. Помимо экономической и общеполитической затрагивается религиозный фактор, играющий достаточно большую роль, об этом говорят и политики, и эксперты. Но что это обозначает на самом деле?

Тематика межрелигиозных отношений и позиции ведущих религиозных объединений приобретают все большее значение в рамках политических дискуссий на международном уровне. Объясняется это наличием опасности экстремизма и других форм радикализма на псевдорелигиозной почве, а также ростом религиозного фактора в миграционном кризисе в Европе и в целом в межнациональных отношениях.

Рост влияния религиозных организаций в политике и в социальной сфере происходит в условиях глобализации, развития сетевой религиозности и так называемого «рынка религиозных идей». Помимо позитивного влияния религии и участия верующих в разрешении социально-политических проблем, возрастает и влияние религиозного фундаментализма. Он иногда превращается в псевдорелигиозный экстремизм в рамках обострения противоречий Запада и Востока, а также противостояния секуляризации публичной жизни, которая сохраняется и в Евросоюзе, и в России.

Религиозный фактор развивается на фоне целого ряда кризисов, с которыми сталкивается и Россия, и другие страны. Прежде всего, это

ближневосточный кризис и фактор запрещенной в России экстремистской организации ИГИЛ, деятельность которой приводит к экспорту терроризма и псевдорелигиозного экстремизма. В результате действия этого фактора возникает проблема: как, собственно, отличить религиозный фундаментализм от экстремизма, терроризма на псевдорелигиозной почве.

Другой важный фактор – это российско-украинский кризис, который затронул все постсоветское пространство. В результате развития ситуации в отношениях между двумя странами после 2014 года была поставлена под вопрос сама по себе целостность Русской Православной Церкви (Московский патриархат), чуть менее половины приходов которой находятся в Украине в рамках Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ). За время кризиса в рамках УПЦ укрепилась группа сторонников независимости от патриарха Московского, а украинские политики периодически призывают создать свою поместную церковь, которая бы канонически была бы отделена от Московского патриархата.

Помимо этого, что также играет большую роль для защиты российских интересов в мире, другое звучание приобрело определение «русского мира», которое стало переосмысливаться и в России, и на Украине. Если в Латинской Америке совершенно понятно, что такое «русский мир» (русская диаспора, русские культурные центры), то на постсоветском пространстве это понятие стало политизироваться и напрямую ассоциироваться с российской внешней политикой. В итоге патриарх Кирилл выступил против политизации «русского мира», за наполнение его культурным и духовным смыслом, но после 2015 года руководство РПЦ практически перестало использовать в своей риторике это понятие.

Следствием российско-украинского кризиса стало то, что напрямую затрагивает межпарламентское сотрудничество. Это стремление части депутатов Верховной Рады принять ряд

законопроектов, на основании которых будет возможна дискриминация Украинской православной церкви, как организации, центр которой находится в «стране-агрессоре». Данной тематике религиозной дискриминации была в основном посвящена деятельность Уполномоченного по правам человека в Министерстве иностранных дел, эта должность уже ликвидирована.

Помимо сирийского и украинского факторов в международной политике присутствует фактор общехристианский, основанный на солидарности консервативных христианских церквей. Гаванская декларация папы Франциска и патриарха Кирилла, принятая в феврале 2016 года, обозначила практически все основные проблемы, которые стоят перед традиционными религиозными силами на международной арене. В декларации отмечены проблема критической позиции греко-католиков по отношению к УПЦ и признания канонической церковью именно УПЦ. В этом отношении Ватикан встал на сторону Русской Православной Церкви. Лидеры двух мировых церквей выделили также проблему защиты христиан в разных странах мира: на Ближнем Востоке во время военных конфликтов и в странах Евросоюза от агрессивного секуляризма. Чрезвычайно важной темой также является вопрос участия религиозных организаций, прежде всего, христианских церквей в проблемах, которые касаются соблюдения социальной справедливости в мире. Это одна из основных тем выступлений папы Франциска, когда он выступает на всех международных площадках.

Что касается защиты прав и интересов верующих, важно упомянуть, что большую роль в этом вопросе сыграла резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы о преодолении дискриминации в отношении христиан, мусульман и других религий, которая в июле 2017 года была инициирована сенатором Людмилой Борисовной Нарусовой и вице-спикером Государственной Думы Петром Олеговичем Толстым.

Одной из основных проблем остается отсутствие широкого межрелигиозного диалога на евразийском пространстве. Если Русская православная церковь выстраивает по своим каналам этот диалог с теми, кого она считает традиционными религиозными организациями, то на межпарламентском уровне, этого диалога практически нет. Вторая проблема связана с законодательством в религиозной сфере и отсутствием системы и концепции государственно-конфессиональных отношений как в России, так и в сопредельных государствах. К примеру, государства Центральной Азии принимают меры по противодействию терроризму и экстремизму, но религиозная жизнь оказывается под контролем до такой степени, что она становится почти невозможной.

В России проблемы связаны с применением части положений так называемого «пакета Яровой – Озерова» (вступили в силу в июле 2016 года), которые касаются регулирования миссионерской деятельности. В течение года после принятия этого закона накопилось более 100 административных дел, на основании которых были оштрафованы совсем не террористы и экстремисты («Пакет Яровой» формально принят в целях противодействия терроризму), а представители самых разных конфессий, в основном неправославные христиане: баптисты и пятидесятники. Соответственно, не всегда логичные и правосудные решения, принятые на основании этого закона, составили большую часть доклада Госдепа США за 2017 год о соблюдении религиозной свободы в разных странах мира (отдельный подраздел доклада посвящен соблюдению свободы совести в Крыму). Обвинения со стороны американской администрации в дискриминации верующих в России также регулярно становятся политическим фактором на международной арене, где большое значение придается развитию межрелигиозного диалога.

Сейчас наиболее благоприятное время для продвижения России как защитницы традиционных ценностей и религиозной идентичности, то есть той самой демократии с религиозным плюрализмом и культурным

многообразием. Несмотря на существующие проблемы в отношениях между западными странами и Россией, в ряде европейских стран Россия воспринимается как оплот традиционных ценностей и защитница своей собственной идентичности. Согласно исследованию американского Пью Центра (Pew Research Center) в Центральной и Восточной Европе в 2017 году, большинство опрошенных в странах региона (кроме Украины) считают, что Россия «обязана защищать православных христиан» и «интересы русских».

**Выступление профессора кафедры международного права
Московского государственного юридического университета имени
О.Е. Кутафина В.А. Батыря**

Информационная безопасность и Российская Федерация

В начале несколько замечаний по поводу проекта резолюции. Представляется, что разработчики (как я понимаю, здесь от Российской Федерации господин Умаханов был разработчиком) хотели бы услышать мнение экспертного сообщества, поэтому, наверное, есть необходимость внести некоторые правки и уточнения в этот проект, поскольку он будет итоговым результатом работы Ассамблеи МПС.

Третий пункт: «принимая во внимание Всеобщую декларацию...» Речь идет о декларации 1948 года о правах человека, отнюдь не о Всеобщей декларации о демократии, о которой говорится в первом пункте. Предлагается рекомендовать поправить, поскольку дважды в преамбуле возникает повтор, но дальше по тексту идет перечень пактов о правах человека. Это верно. Первое предложение пункт 3 все-таки касается Всеобщей декларации прав и свобод человека 1948 года.

Следующее. То, что касается проекта, пункт 12. Нужно уточнить некоторые положения о безопасности и конкретизировать, может быть, продвигая российскую идею о принятии универсальной конвенции об информационной безопасности через право на информацию.

Пункт 8 резолютивной части. С точки зрения русского языка дважды употреблять «могли» не верно, четвертая строка сверху, «обычные граждане могли, не опасаясь репрессий, могли публично...».

И, наконец, пункт 12, последняя страница, «настоятельно призывает»: курсивом выделено – подчеркиваем. Я думаю, разработчики уточнят эти позиции и вычитают проект резолюции до конца.

Это действительно итоговый документ, я так понимаю, итог работы 137-й Ассамблеи МПС. И в этой связи наши пожелания будут

выглядеть как наказ экспертного сообщества российской делегации для формулирования политико-правовой позиции на 137-й Ассамблее.

Собственно, тема моего выступления прозвучит, наверное, диссонансом. Все-таки я полагаю, что на этом форуме речь могла бы идти и должна идти (один из акцентов, может быть, на панели, может быть, еще в каком-то формате), должна обсуждаться проблема «человек и безопасность». И в этой связи необходимо вновь вернуться к принятию новой редакции, может быть, к переработке того проекта универсальной конвенции об информационной безопасности, которую продвигает Российская Федерация.

Речь не идет об альтернативном проекте проекта Министерства иностранных дел, который внесен. Есть просто необходимость в доработке и согласовании определенных позиций, чтобы зарубежные партнеры нас слышали, зарубежные парламенты действовали каким-то образом в согласованном направлении, были заинтересованы в принятии такого рода универсальной конвенции, которая бы закрепила основы международной информационной безопасности, и в этой части было реализовано в положительном аспекте право на информацию, которому противостоит стремление государств использовать и средства массовой информации, и Интернет в том числе, в деструктивных целях, воздействие на общественное сознание органов государственной власти при принятии таких решений, преследуя свои корыстные цели.

О чем дальше пойдет речь? Конечно же, вынужден буду покритиковать наших парламентариев в той части, в которой проходили ратификацию несколько международных договоров: Шанхайская конвенция в сфере информационной безопасности 2010 года, еще раньше, после 2001 года, ряд соглашений о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации и в сфере информационной безопасности, в которых проскользнул термин «информационная война» и «информационное оружие». На сегодняшний день анализ того массива, который действует в сфере

информационной безопасности, в частности противодействие прежде всего преступности, Будапештская конвенция и другие документы, позволяет утверждать, что, во-первых, информационная война невозможна. Вообще после 1945 года ни одной войны не было, были международные вооруженные конфликты, которые войнами не являлись. И, во-вторых, информационного оружия не существует. Такое разочарование при исследовании этих вопросов приводит к тому, что придется перерабатывать эти документы, потому что, вероятно, не все наши партнеры, миролюбивые партнеры, нас смогут услышать.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации констатирует, что на сегодняшний день просто отсутствуют информационно-правовые нормы, которые регулируют межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмы и процедуры их применения, учитывая специфику информационных технологий, что затрудняет формирование системы международной информационной безопасности, направленной на достижение стратегической стабильности и равноценного стратегического партнерства. Это цитата.

Итак, на универсальном уровне нет ни одной конвенции на сегодняшний день, есть два десятка документов, которые приняты в рамках региональных организаций, и есть двусторонние договоры Российской Федерации (я насчитал их десять), которые действуют в этой сфере.

В чем видится проблема? Принята европейская конвенция о преступности в сфере компьютерной информации 2001 года, которая не затрагивает, по большому счету, вопросы безопасности. Она только определяет, что является противоправным деянием в этой сфере и допускает возможность трансграничного доступа, который позволяет спецслужбам одних стран проникать в сети, получать доступ к базам в других странах. Естественно, Россию это не устраивает, и она не является участницей этой конвенции.

Наряду с этим Россия является участницей Конвенции Шанхайской организации сотрудничества в сфере информационной безопасности 2010 года, в этой конвенции используются категории «информационное оружие», «информационная война».

Дело вот в чем. Ну, войной вмешательство в информационные сети назвать нельзя... «Кибервмешательство» – термин опять же плавающий, лучше «информационный» использовать... Кибервойна невозможна в силу ряда причин... Конвенция 1907 года нас ориентирует на то, что такое война, на то, что она не должна начинаться без предупреждения, выдвижения ультиматума и так далее. Ну, и война характеризуется своими особыми признаками, здесь любой юрист или политолог вам сможет это квалифицированно объяснить.

С другой стороны, война возможна с применением оружия, а вот те вирусы, специальные средства воздействия, которые имели место на азиатском континенте, на Ближнем Востоке в том числе, позволяют говорить, что это средство деструктивного воздействия и не больше. Это больше похоже на те вещи, о которых мы говорим, как на средство обороны и защиты, когда достаточно вынуть электровилку из розетки, и система будет обеспечена безопасностью в этом плане.

Не подпадает под категорию средств вооруженной борьбы в том смысле, как применяется понятие «оружие» в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям 1949 года. И поэтому нужно набраться, наверное, политического мужества, вести разговор с нашими партнерами именно с этой позиции: «да, есть средства деструктивного воздействия, но не кибероружие, поэтому давайте переработаем конвенционный материал». Это серьезная работа, она будет будоражить умы, безусловно. Объекты критической инфраструктуры, как они поименованы, конечно же, являются теми объектами, которые подключены к открытой сети и воздействие на которые возможно. Отсюда вооруженные силы, спецслужбы и так далее давно используют

закрытые сети, и, в общем-то, для их инфраструктуры такие киберсредства угрозы не представляют.

С другой стороны, переговорная позиция США будет, конечно, уникальной. Дело в том, что сеть Интернет находится в ведении частных лиц, и в этой части мы понимаем, что все основные серверы находятся за рубежом. Когда мы рассчитываемся в магазине пластиковой картой, мы должны понимать, что этот сигнал проходит сначала в США, потом возвращается назад, то есть с нашей карточки списываются какие-то деньги, но вполне возможно осуществление контроля оттуда, из-за рубежа. Поэтому Россия должна настаивать на том, чтобы в рамках обеспечения государственного суверенитета каждое государство имело бы выделенный сектор в рамках Интернета, за который (и только при этом условии) несет ответственность. Государство не будет нести ответственность за действия частных лиц, что также вполне возможно. Вы наверняка много раз слышали о неких «пранкерах», которые звонят, беседуют с должностными лицами. Конечно, это пример того, что нельзя обеспечить в полном объеме безопасность по открытым сетям.

Задача должна формулироваться так: достижение информационного мира в мировом сообществе в 21 веке. Россия должна выступать инициатором заключения разумных соглашений, и в этой части понимать, что элементы информационного противоборства были, есть и будут. Будет воздействие через средства массовой информации и на процедуры принятия решений, и на население. Информационное противоборство предотвратить нельзя, но необходимо "юридизировать" эту сферу и поставить заслон путем принятия обязывающих государства документов.

Выступление ведущего научного сотрудника Института философии РАН А.В. Прокофьева

Межкультурный диалог: риски, сложности, перспективы

Я хотел бы обсудить некоторые проблемы из повестки нашей встречи, отталкиваясь от особенностей своего дисциплинарного исследовательского пространства. Это социальная этика и теория справедливости, то есть не строгий политологический анализ решений или институтов, а их оценка в свете общих нормативных принципов. Но при всей своей нестрогости такая оценка довольно часто заставляет пересмотреть подходы к политологическому и правовому анализу общественной практики. Поэтому, как всегда бывает в этой сфере, я буду переходить от утверждений уровня высокого обобщения к конкретным практическим контекстам.

Формулировка «межкультурный» диалог является в последние десятилетия привычной и даже канонической. Существует обширная теоретическая литература и значительное количество практических программ и рекомендаций, принятых на разных уровнях культурной политики. В международном контексте мы имеем документы ООН (где, правда, преобладает формулировка «диалог цивилизаций»), Совета Европы и ЮНЕСКО (где в качестве субъектов выступают именно обладатели разных культур). Параллели встречаются и на национальном уровне. Когда теоретики и практики ведут речь о межкультурном диалоге, они часто обсуждают его как что-то всегда уместное и, безусловно, положительное. Однако это не совсем так. Межкультурный диалог, по всей видимости, является лишь условно положительным явлением с ограниченной сферой уместности. Именно поэтому в названии своего выступления я сделал акцент на трудностях и рисках диалога и лишь затем – упомянул его перспективы.

Чтобы понять причины моей сосредоточенности на трудностях и рисках, необходимо вспомнить, что такое диалог. В теории

коммуникации под диалогом понимается конкретная форма коммуникативного взаимодействия, которая отличается от других, прежде всего, от дебатов и от переговоров. Можно выделить две основные особенности диалога. Во-первых, диалог – это коммуникация, построенная на основе попыток понять другого, проникнуть в строй его мысли, систему восприятия мира и оценки конкретных практических проблем. Это требует от участника диалога принять, пусть временно и в служебном порядке, чужую позицию как свою, увидеть предмет практических разногласий глазами другого. Поиск решения проблемы, инициировавшей диалог, предполагает постоянное мысленное перемещение между своей позицией и позицией другого с тем, чтобы сблизить их и чтобы обнаружить меру, направление и характер взаимных уступок.

Во-вторых, диалог – это коммуникация, сохраняющая открытый характер по отношению к убеждениям и практическим установкам участников. Никто никогда не знает заранее, каким он выйдет из диалогического взаимодействия, но при этом каждый участник понимает, что диалог с большой долей вероятности приведет к его частичной трансформации. Трансформационный эффект возникает следующим образом. Одна из сторон предпринимает попытку проникнуть в систему представлений другого о мире и на основе результатов такого проникновения пытается понять причины его отношения к определенной практической проблеме. Она предъявляет другому его собственный образ, который начинает играть роль своего рода зеркала. Глядясь в это зеркало, другой совершает усилия по более глубокому пониманию самого себя, по устранению несогласованностей в своих убеждениях, по проверке того, насколько его идеализированное представление о самом себе соответствует реалиям его жизни. В ходе такой работы с образами друг друга у участников диалога возникают: более точное представление о партнере; особое отношение к нему – лишенное отчужденности, наполненное эмпатическими переживаниями;

подвижное, неустойчивое состояние идентичности, позволяющее идти навстречу друг другу за счет обоюдных изменений.

В отличие от диалога, дебаты предполагают, что участвующие в них стороны просто ищут уязвимые точки противника и пытаются переиграть его в ходе представления аргументов (если есть внешние наблюдатели, то завоевать их симпатии). Переговоры также не являются диалогом, поскольку ориентированы на прагматичный обмен уступками, исходящий из существующего соотношения сил, готовности сторон нести потери, мириться с рисками и т.д. Переговоры не требуют усилий по взаимному пониманию и тем более – стремления к взаимной трансформации.

При сравнении этих форм коммуникации диалог вызывает мощную спонтанную симпатию в качестве средства решения противоречий, возникающих между теми сообществами, которые опираются на разные культурные традиции. Знакомство с его спецификой автоматически вызывает мысль: «Как было бы хорошо, если бы межкультурные трения и противостояния разрешались именно таким способом!» Не случайно диалог часто называют в литературе наилучшей формой культурного признания. Однако эта абстрактная притягательность диалога не должна вводить нас в заблуждение или, во всяком случае, не должна порождать иллюзий по поводу его универсальной приемлемости. То, что я зафиксировал в качестве двух ключевых черт диалога – даже не просто теоретическая модель, а нормативный идеал этого типа коммуникации. Реальность же, складывающаяся в результате попыток организовать межкультурный диалог, может оказаться совсем не идеальной.

Эту мысль неоднократно проговаривали современные политические мыслители, опираясь на исследование показательных и типичных случаев из политической практики разных стран. Приведу лишь два ярких примера.

Так, американский политический философ Чандрен Кукатас обращает внимание на то, что диалог легко превращается в средство выворачивания наружу фундаментальных разногласий между культурами. После такого обнажения различий совместное существование оказывается не легче, а сложнее. Как гласит английская поговорка, «чем меньше скажешь, тем проще исправлять». «Призывать к диалогу, – пишет Кукатас, – означает просто-напросто нарываться на неприятности, поскольку любой обмен мнениями, позволяющий сторонам лучше понять друг друга, может лишь усилить взаимное презрение и вражду, не приводя к примирению». В качестве альтернативы необходима дистанция культурных сообществ по отношению друг к другу, которая позволяет сохранить мир, необходима терпимость, которая не требует взаимного интереса и понимания и уж, конечно, не опирается на них.

Канадский теоретик Джозеф Каренс также показывает, что в рамках диалогического взаимодействия заложена очень опасная ловушка, вырваться из которой бывает очень нелегко. В процессе диалога один участник неизбежно присваивает себе право интерпретировать глубинные убеждения другого, а значит – право толкования определенной культурной традиции на уровне оснований и на уровне опирающихся на них практических следствий. Во многих случаях эти основания тождественны представлениям о священном и рассматриваются представителями традиции как подлежащие толкованию только со стороны наделенных авторитетом инстанций. И никто не может гарантировать, что представителям вступающей в диалог культурной традиции хватит гибкости для того, чтобы примириться с интерпретационным произволом. Никто не может гарантировать, что они смогут принять такое неуполномоченное толкование как заслуживающее внимания собственное отражение в глазах культурного другого, а не как покушение на святое. «Они (!) говорят нам о том, что нам (!) следует считать правильным!» «Они (!)

претендуют на то, что понимают нашу (!) традицию лучше нас самих!» А если такой гибкости нет, то уж лучше прагматические переговоры без вызывающих отторжение попыток понять друг друга.

Я отношусь к такой аргументации очень серьезно. Она демонстрирует естественные трудности и риски межкультурного диалога. Но, в отличие от радикальной позиции Кукатаса, я не считаю, что трудности и риски не оставляют межкультурному диалогу никаких перспектив. У нас не должно быть розовых очков в отношении его возможностей. Но нужно иметь в виду, что надежды связанные с ним не пусты.

Почему же нельзя отказаться от идеи межкультурного диалога? Во-первых: он обещает высокий уровень взаимного уважения, недостижимый в условиях дистанцированной терпимости друг к другу. Во-вторых: вовлеченность в диалогический процесс увеличивает готовность сторон придерживаться достигнутых в ходе коммуникации решений. В-третьих: участники успешного диалога начинают чувствовать себя частью единого целого, нового коммуникативного сообщества. И в-четвертых: трансформация идентичностей в ходе диалога дает больше шансов продвинуться к практическому компромиссу. С другой стороны, равновесие, достигнутое в ходе дистанцированных переговоров, часто лишь внешним образом скрывает тлеющие разногласия. Без трансформирующего эффекта диалога они чреваты неожиданными взрывами конфронтации. Как замечает ведущий теоретик межкультурного диалога Шейла Бенхабиб: «Если не развивается подлинное межгрупповое и межкультурное взаимопонимание, и пространство для диалога ограничено, то раньше или позже... напряженность между общинами найдет другой выход».

Как же преодолеть трудности и нейтрализовать риски? По всей видимости, первым шагом в этом направлении является разработка таких правил межкультурного диалога, исполнение которых гасит его конфликтогенный потенциал. Эти правила призваны регулировать

диалог на всех его основных стадиях. На стадии подготовки их соблюдение должно вести к тому, чтобы стороны заранее оказались ориентированы на особенности диалогического взаимодействия, чтобы они заранее договорились о том, что каждый имеет право предлагать интерпретации убеждений, традиций и опыта другого, и были всерьез готовы их обсуждать. Непосредственно в ходе самого диалога правила устанавливают порядок выдвижения взаимных претензий и порядок приоритета используемых аргументов. Регламентирована должна быть и приостановка диалога, переход коммуникации сторон в режим дистанцированного переговорного процесса. Это позволяет избежать эксцессов диалогической коммуникации. Наконец, правила должны ориентировать прервавшие диалог стороны на его возобновление при первой же реальной возможности. Это обычно происходит в связи с благоприятными изменениями в каком-то из взаимодействующих культурных сообществ (с появлением новых лидеров, новых тенденций, формированием новой ситуации, и т.д.).

В современной политической теории предпринято несколько интересных попыток сформулировать правила диалогической межкультурной коммуникации. Мне близка попытка английского политического философа с индийскими корнями, в конце 1990-х годов председателя комиссии «Будущее многоэтнической Британии», Б. Парека. Он попытался предложить их для двух базовых случаев. Во-первых, для случая, когда опыт определенной культуры с точки зрения оценивающих наблюдателей выходит за пределы межкультурных нравственных минимумов. Во-вторых, для тех случаев, когда никто не выдвигает обвинение в аморальности опыта другого, но все понимают, что какие-то конкретные проявления разных культурных традиций трудно совместимы в одном и том же социально-политическом и правовом пространстве. Это рекомендации интересны и на момент их выдвижения были своего рода интеллектуальным прорывом, но они требуют постоянного совершенствования на основе сотрудничества практиков (в

том числе, парламентариев) и теоретиков, принадлежащих к разным общественным наукам. И что еще более важно – приспособления к частным национальным контекстам.

**Выступление ведущего научного сотрудника отдела наследования культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева
Т.В. Беспаловой**

Вопросы российской идентичности в контексте тематики 137-й Ассамблеи Межпарламентского союза

Документ, который принимается, прекрасен, хотя слишком универсален и в нем не хватает самой важной, на мой взгляд, составляющей – российской позиции.

Первое. Выходить на 137-ю Ассамблею с проектом резолюции под названием «К 20-летию Всеобщей Декларации о демократии: общность нашего разнообразия» – замечательно, но проблема представляется шире. Заседание первой Государственной Думы прошло в 1906 году, когда Россия была империей, а демократия как принцип существует в России давно. Гораздо весомее для России не сводить принципы демократии к нормативности, а выработать более взвешенную позицию по собственному статусу с учетом преемственности эпох и нашей истории парламентских институтов. Не упрощать принципы демократии, а выстраивать её собственную модель, ведь любая ценность (свобода, демократия, патриотизм, справедливость и пр.) имеет российскую специфику.

Второе. Многие пункты сформулированы абстрактно, устарели содержательно и не актуальны для России. Например, «защита прав меньшинств и уязвимых или маргинализированных групп» звучит не вполне ясно, такая абстрактность размывает традиционные смыслы и ценности российского общества.

Третье. Если проанализировать то, что происходит в русле формирования национальной идентичности и патриотизма в России, то, выяснится, что вопрос уже давно стоит очень остро и жестко. Государственные структуры (Федеральное агентство по делам национальностей, Федеральное агентство по делам молодежи, Роспатриотцентр и др.) формируют разный тип идентичности,

национальные приоритеты не обозначены. Необходимо учитывать, что есть история формирования нации, государственности, история формирования патриотизма, есть социокультурный запрос на определенное содержание патриотизма. Почему в законе о российской нации (или как он будет теперь называться) мы опираемся на итальянский опыт (республиканский патриотизм) Маурицио Вироли, или на опыт немецкий (конституционный патриотизм) Юргена Хабермаса (эта идея прозвучала сегодня в одном из выступлений), а не на свой собственный?

Четвертое. Две тенденции – какая идентичность – политическая (Тишков) или национально-этническая (Абдулатипов) – формируется сейчас? Субъектом культуры, субъектом истории, субъектом политики всегда был народ – русский, советский, российский. Зачем создавать искусственную общность, если есть уже реальная общность, с которой можно работать? Это будет более оправданным. Тем более что вполне возможно совмещение гражданской идентичности (граждане России – раньше подданные Российской Империи, потом граждане Советского Союза) с национальной/народной (русский народ и другие народы России) и этнокультурной (малые народы, субэтноты). Государствообразующая («системообразующая» – в Стратегии национальной политики Российской Федерации) роль русского народа должна получить отражение в реализации культурной и национальной политики без ущемления прав других народов.

Идея русской/российской цивилизации («русского мира») может выступить в качестве национальной идеи, таким образом, цивилизационная идентичность является основой государственной (не политической!) идеологии.

Эта тема напрямую связана с возрождением национальной памяти. «Забывать нельзя помнить» – где в этой фразе поставить запятую в отношении конкретных исторических событий, символических фигур памяти? Кому ставить памятники? Кто это решает и каковы критерии?

Какой должна быть политика памяти и забвения в современной России? Возможно ли это обозначить на нормативно-правовом уровне? Если связать проблему формирования национальной идентичности, с конструированием патриотизма, возрождением национальной памяти и соответствующей политикой памяти/забвения в русле реализации аксиологической модели государственной культурной политики – то мы сможем выстроить целостную систему реализации государственной политики в ее самых важнейших сферах – национальной, культурной, образовательной, научной. Мы тогда выйдем на проблему формирования государственного патриотизма, его культурно-цивилизационных смыслов, национальной идеи России. Этот аспект отсутствует в документе.

Пятое. Диалог – это, прежде всего, ответственность с обеих сторон за происходящее. Необходимо внести в концепцию культурного плюрализма (раз такое понятие предлагается вместо «культурного разнообразия», хотя не ясно – зачем изобретать такое количество понятий) – собственные смыслы. Наиболее приемлемым для России является понятие «цветущей сложности» К. Леонтьева. Я призываю к тому, чтобы в этом диалоге мы учитывали культурно-цивилизационные смыслы и опирались на собственные, отечественные патриотические, национальные, культурные и образовательные практики.

Шестое. Возрождение национальной памяти будет спасительным для России. Народ/нация (в российской практике это практически синонимы) в периоды социальных перемен, острой политической борьбы (российско-украинский конфликт) сталкивается с конкуренцией нескольких версий культурно-исторической памяти в отношении нашего прошлого, часто непримиримых. Все эти версии культурно-исторической памяти в рамках политического противоборства претендуют на статус национальной памяти, мы должны это иметь в виду. Историческая ложь становится способом конструирования национальной идентичности. Если государство не озаботится деликатным формированием

национальной памяти, память все равно будет формироваться, но в русле иных политических интересов.

137-я Ассамблея МПС – это возможность обозначить на международном уровне стратегические национальные приоритеты России и национальную идею России в целях эффективного межкультурного диалога, мира и безопасности для всех.

Общая дискуссия

С.Л. Постников

Коллеги, разрешите мне задать вопрос, который нам кажется очень важным – это проблема культурного плюрализма в контексте современных миграционных процессов. Решение простой дилеммы «хозяин – гость». Как в современных условиях в рамках миграционных процессов должны выстраиваться процессы по этой ветви?

У некоторых этнических групп есть традиция: гость – это все, это святое. Большинство же продвинутых демократий относятся к категории стран, которые вынуждены развивать толерантность и плюрализм, немножко ограничивать себя в таком национальном проявлении.

Но вопрос вот такой. «Хозяин – гость». Как развивать плюрализм в этой ситуации? Это вопрос, который можно решить именно в рамках культурного плюрализма, то есть в системе образа жизни, умения жить вместе.

Я повторяю: система ценностей, традиций и верований – это определение культуры из всеобщей декларации ЮНЕСКО, на которую я все время ссылаюсь.

Т.В. Беспалова

Мне кажется, что в условиях экономических санкций и информационной войны, которая идет сейчас, любого другого типа войны в отношении России необходимо вести равноправный диалог. Не отношения «хозяин – гость», которые предполагают выстраивание традиций в отношении тех, с кем мы ведем определенные действия или какие-то идеи свои выражаем. Здесь необходимо все-таки ориентироваться на равноправные отношения и, может быть, даже в какой-то степени величие России как-то обозначить чуть-чуть ярче, чем раньше. Все-таки свою силу надо демонстрировать. Если мы не будем этого делать, тогда национальный образ России, он «не заиграет». Мы должны на уровне дипломатии такие отношения выстраивать уже

сейчас. И мне кажется, этот диалог «хозяин – гость», он состоит лучше в рамках концепции культурного плюрализма, если мы деликатно будем позицию мягкой силы, но через культуру обозначать свою, учитывая традиции, самобытные какие-то явления в отношении других.

Р.Н. Лункин

Дело в том, что в настоящее время не существует на деле какого-то единого понятия мигранта. Все говорят по поводу миграционного кризиса. На самом деле сейчас происходит некоторое смешение внутренней и внешней миграции, которые являются совершенно разными явлениями. И в научной литературе как-то все больше отходят от употребления понятия просто мигрант. Потому что есть трудовые мигранты, есть беженцы, которые как бы запрашивают убежище. Это все несколько разные категории мигрантов. Есть внутренние мигранты. И, к примеру, в скандинавских странах, там есть целые большие программы по интеграции мусульман. Но это не обязательно гости, это те люди, которые там живут. То есть, по идее, они должны считаться хозяевами.

Во Франции есть целый ряд исследований по поводу мусульман и их целого движения по защите собственных прав и интересов. Но это движение, в том числе женское движение по поводу защиты права на ношение хиджаба (не никаба, а именно хиджаба), оно проходит под лозунгами, что мы являемся полноправными французами, мы – французы. Вот под каким лозунгом проходит это движение. И они не гости. То есть вопрос миграции на этом уровне, он тоже достаточно многообразный.

И опять же вопрос по поводу мультикультурализма. Изначально мультикультурализм представляет собой достаточно благоприятное определение и такое идеальное общество, где мы никого не принуждаем к нашим правилам и не навязываем свою культуру, но при этом вы живете по нашим законам. То есть в принципе европейские

страны, политики хотели воплотить именно этот вариант. Но это не получилось.

На государственном уровне, по крайней мере, в Европейском союзе оказывается, что страны не могут между собой решить, а кто будет хозяином, кто хозяин. То есть не только мы сталкиваемся с большим количеством категорий гостей, но и то, что нет хозяина. Вот такова проблематика.

Н.А. Хренов, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания

Я хочу отреагировать на постановку вопроса «хозяин – гость». Какая-то у вас такая постановка вопроса туристического плана. Кого называть гостями? Вот применительно к современной России, действительно там множество этносов, множество наций. Как достичь солидарности?

Вот вы говорите, что каждый должен в общей структуре утвердить свои ценности, равноправие. Это довольно все сложно. Возникает проблема старшего брата. Вот вы говорите, приподнять образ России. Но ведь это вызывает возмущение, раздражение, отторжение, конфликты внутренние. Речь идет ведь о построении государства применительно к России. Значит, вопрос должен решаться уже не на этническом уровне, а на уровне построения гражданского общества. Вот здесь нужно искать солидарность. Никуда не уходят этнические ценности, но должен быть другой уровень, который обеспечивает эту солидарность. Так что я против такой туристической трактовки этой проблемы – страшно конфликтной и очень современной.

В.А. Батырь

В отношении «хозяин – гость» – здесь все просто. Наверное, нужно иметь в виду и ориентироваться на то, что существует конвенция о правах трудящихся-мигрантов, которая предполагает механизм

индивидуальных обращений в том случае, если права мигранта нарушены (это обязательство государств, мы это воспринимаем.) Основная проблема – проблема интеграции в общество, куда приехал, в которое попал гость, а значит, к гостям нужно обращаться с призывом: «Стань хозяином».

В этой части я бы еще раз рекомендовал, возвращаясь к проекту резолюции, давайте уж тогда рассмотрите, пожалуйста, организаторы, по пункту 3: включить, может быть, туда все те восемь конвенций в сфере прав человека, которые действуют на сегодняшний день? Созданы контрольные механизмы: и конвенция против пыток, и о правах трудящихся-мигрантов. Потому что здесь идет форматирование. Только конвенцию о женщинах и декларацию о меньшинствах, но не более того. Так вы сюда все восемь конвенций включите, и вопрос будет снят сам собой. Сюда попадут и трудящиеся-мигранты.

С.В. Базавлук, советник проректора Российского университета дружбы народов по работе со студентами

По поводу вопроса «хозяин – гость». Для начала хотел бы определиться с понятиями. Что такое «толерантность» и откуда к нам пришло это понятие? Это понятие к нам пришло из медицины, и дословно оно обозначает «неспособность организма сопротивляться вирусу». Я бы рекомендовал вообще отходить от понятия «толерантность».

У нас в университете учатся представители больше 150 государств, и понятие «толерантность» для хозяев страны, если мы рассматриваем «хозяин – гость», для титульной нации и так далее, – это получается то, что получилось у нас в Европе, как коллега сказал: «Пусть люди живут в своих культурных традициях, но выполняют законы». Но что такое законодательная база? Что такое законы государства? Они, в том числе, призваны защищать национальную культуру, культуру того народа или тех народов, которые проживают на

данной территории. Поэтому для того, чтобы определиться в понятиях, я бы рекомендовал использовать термин не «толерантность», а «взаимоуважение».

Что касается «хозяин – гость». Все-таки с точки зрения миграции, с точки зрения вот этих всех потоков, я придерживаюсь мнения, что на первом месте стоит культура той страны, той нации, того населения, которое проживает на данной конкретной территории. Приезжающие могут проповедовать свою религию, могут выражать свою культуру, но в приоритете стоит культура того населения, той нации, того государства, которое находится на данной конкретной территории.

Совет Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 25 (682)

**Материалы заседания Научно-методического семинара
Аналитического управления Аппарата Совета Федерации,
посвященного тематике 137-й Ассамблеи Межпарламентского союза**

(подготовлен на основе стенограммы Научно-методического семинара,
состоявшего 8 сентября 2017 года)

Под общей редакцией
начальника Аналитического управления
Аппарата Совета Федерации,
доктора экономических наук
В.Д. Кривова

Редакторская группа:
И.В. Барбашин, С.Л. Постников, Т.Е. Семенов, Р.Л. Кохнович,
Н.А. Дмитриева, Т.Н. Мочалов

Электронная версия аналитического вестника размещена: в сети Интранет Совета Федерации
в разделе «Информационные материалы» и в сети Интернет (www.council.gov.ru)
в разделе «Аналитические материалы»

При перепечатке и цитировании материалов ссылка на настоящее издание обязательна

Подписано в печать 27.09.2017 г. Формат 21 x 29,7